
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кафедра литературно-художественной критики и публицистики

ДЛЯ ЧЕГО УБИТА КАТЬКА? (В ПОЭМЕ БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»)

Контрольная работа
по истории отечественной литературы
студента IV курса
СТАРЦЕВА БОРИСА

Москва, 1995

Духовная и творческая эволюция А. Блока от его первых поэтических сборников до последних революционных поэм прослеживается отчетливо: можно сказать, ее исходная точка образ-символ Прекрасной Дамы, а конечная — героиня поэмы «Двенадцать» (уместно ли слово «героиня»?). Первоначальная гармония, воплощенная в вертикальной модели мира, выстроенной в духе символизма Вячеслава Иванова (когда земное на земле, возвышенное — в заоблачном мире символов, а искусство способно привести от реального к реальнейшему — «a realibus d realiora»), сменяется дисгармонией — горизонтальной моделью мира, когда поэт чувствует одиночество и неприкаянность в хаосе безумного мироздания, когда на смену идеалам любви и искусства приходит разочарование в этих идеалах, в аллегорической форме выраженное в поэме «Соловьиный сад». Образ женщины в этом движении занимает центральное место, и его эволюция (может быть, деформация?) заключается в постепенном сведении Дамы с пьедестала. Прекрасная Дама в духе поэзии провансальских трубадуров, Снежная Дева (более приземленный образ), женщина как пленница в стихотворении «На островах» (как не вспомнить пятый том Пруста!). Затем — мертвая девушка в стихотворении «На железной дороге» (некрасовский мотив) как символ «бесполезной юности», изнемогающей в пустых мечтах. И, наконец, — цикл «Черная кровь»: «Подойди, подползи — я ударю...». Логическим итогом творческой эволюции Блока становится изображение женщины, раздавленной колесом революции. Конечно, образ Катьки — не только итог пути поэта; это в первую очередь отклик на события 1917 года. Тем не менее, если бы Блок не прошел этого пути, не будь этой эволюции, он и после революции, как Есенин, пел бы «песни под тальянку».

Отвечая на вопрос о цели убийства Катьки, можно выявить эту цель, абстрагировавшись от личности автора и социально-политического, философского смысла поэмы. Ведь сюжетно Катька убита просто так; может быть, даже случайно — красногвардеец, на спину которому «надо б бубновый туз», стреляет в Ваньку, мчащегося с ней на «лихаче». Но Ванька (вовсе не классовый враг, а обыкновенное «солдатье»: он «в шинелишке солдатской») увертывается от пули, избегает судьбы «офицера» — прежнего любовника Катьки, который «не ушел... от ножа». Из текста неясно, в кого именно целился Петруха — в Ваньку, в Катьку или в них обоих. С одной стороны, выстрел сопровождается проклятиями именно в адрес Ваньки: «...Ты будешь знать, Как с девочкой чужой гулять». И потом Петруха все же сожалеет о Катьке: «Загубил я, бестолковый, Загубил я сгоряча... ах!». С другой стороны, дается реплика Петрухи в адрес убитой Катьки: «Что, Катька, рада? — Ни гу-гу... Лежи ты, падаль, на снегу». Но «сгоряча» или осмысленно Петруха убил Катьку, в конце концов, не имеет значения. По сюжету поэмы Катька убита красногвардейцем, воспользовавшимся своей безнаказанностью, для удовлетворения собственного чувства ревности и злости.

Думается, здесь неуместно проводить литературные параллели с произведениями, где герои убивали жен или любовниц, «врачуя свою честь», — слишком уж низко пали герои Блока, слишком уж грубы их чувства. Да и, в конце концов, убийство люмпеном проститутки — разве это сюжет для высокой поэмы? Тем не менее можно заключить, что Петька-ревнивец убил Катьку просто для того, чтобы сохранить свою собственность от другого, даже ценой ее уничтожения. «Усмирять рабынь строптивых» — вот одна из функций революционных «скифов». И рабыня должна принадлежать власти имеющему или не принадлежать никому вообще — традиционный взгляд на женщину в неразвитом (а иногда и в развитом) обществе.

Однако такое объяснение цели убийства Катьки является лишь фактологическим. Символический смысл этого центрального и отчасти единственного события поэмы «Двенадцать» выходит далеко за рамки отношений люмпена и проститутки. Убийство Катьки имеет ключевой смысл в контексте основных образов и идей поэмы. Апостол революции обладает безграничной властью над людьми, и эту власть он использует для совершения злодеяний и разрушений:

Запирайте этажи
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
гуляет нынче голытьба.

В атмосфере всеобщей анархии люди получили свободу, не ограниченную не только законами, но моральными запретами и нравственными нормами: «Свобода, свобода. Эх, эх, без креста! Тра-та-та!». Свобода соединяется с чувством злобы, ненависти не только к тому, что принадлежит старому миру, но и ко всему вокруг:

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди,
Черная злоба, святая злоба...

Происходит то, что предрекал еще Радищев, говоря о Вольности:

Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится,
И власти под ярмом падет.

Катька становится жертвой именно этой свободы, превращенной в наглость и замененной властью, жертвой анархии — безвинной, впрочем, жертвой. Впереди еще миллионы таких жертв, которые принесет на алтарь идеалам революции целая страна. Сам Петька-убийца как человек пытается раскаяться в совершенном злодеянии, но его товарищи — представители революционной власти — эти попытки не одобряют:

— ... Что ты, Петька, баба, что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

Революция устами своих «апостолов» оправдывает бессмысленное убийство. И становится ясно: смерть невинной женщины, пусть падшей женщины, не последняя. Если можно оправдать Петьку (точнее — не обратить на его поступок внимания) и даже заглушить голос совести в его душе, то это только начало. Убийством Катьки Блок показывает безнаказанность и всевластие слепой революционной воли.

Такая трактовка убийства Катьки объясняется духовной работой Блока в связи с событиями революции, его мироощущением в начале 1918 года. Убийство Катьки в образной ткани поэмы выходит за рамки отношений люмпена и проститутки и становится символом, обозначающим безумие и бессмысленность нового мира. Как ни странно, модель мира в поэме «Двенадцать» вертикальная; правда, эта вертикальность появляется лишь в последней главе, когда возникает образ (видение?) Иисуса Христа — очевидно, символа нового мира, к которому идут и который будут создавать солдаты революции. Не будь убийства Катьки, будь в поэме лишь обрывки, клочья картины заснеженного города (предвосхищающие бессюжетные зарисовки «новой» литературы), по которому идет отряд, Блоку удалось показать бы только форму, внешнюю сторону революции. Блок, несмотря на то, что изображает реальность в новых, более адекватных для этой реальности формах (обрывочность, контрастность, специфика лексических средств и др.) проникает в суть революции и показывает ее главное противоречие, о котором будут говорить многие писатели 1920-х годов, — противостояние высокого идеала и грязных средств его достижения. По сути, здесь он поднимает старую, еще карамазовскую проблему: стоит ли «хрустальное здание» слезинки ребенка? Согласно революционной идеологии, можно прикончить раненого (партизана Фролов в романе А. Фадеева «Разгром»), если он мешает продвижению армии; можно положить любое количество людей ради достижения великой цели. Вера в Бога не мешает грешить — Блок сказал об этом в одном из своих стихотворений 1914 года, где вообще сделал выводы о русском национальном характере:

Грешить бесстыдно, беспробудно,
Счет потерять дням и ночам,
И с головой, от хмеля трудной,
Войти сторонкой в божий храм.

Вера в Бога оправдывает грехи, от Бога легко получить индульгенцию. Точно так же оправдывает грязные поступки вера в идеалы революции. Эта вера дает добро на любое насилие. Под историческую необходимость, под революцию можно списать не только убийство классовых врагов, но и, как в поэме «Двенадцать», безвинную жертву. Сюжетная оппозиция «убитая Катька — Иисус 12-й главы» переходит в оппозицию социально-политическую «революционная действительность — революционная романтика» и развивается далее в оппозицию философскую: «слезинка ребенка» — «хрустальное здание». Блок, бесспорно, был или старался быть революционным романтиком — во всяком случае, призывая интеллигенцию слушать «музыку революции», он не пытался осмыслить историю реально, а поддавался романтической стихии разрушения старого мира и создания общества всеобщей свободы, равенства и братства. В статье «Интеллигенция и революция» Блок пишет так: «Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью». В этой статье Блок, поддавшись стихии, оправдывает революционные издержки: революция легко может покалечить в своем водовороте, но «это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает этот поток. Гул этот, все равно, всегда — о великом».

Таким образом, можно заключить, что в январе 1918 года, когда были написаны и поэма «Двенадцать», и статья «Интеллигенция и революция», для Блока и хрустальное здание, и романтика, и Иисус Христос как символ нового мира были важнее слезинки ребенка, важнее жертв революции, в том числе убитой Катьки. Блок дышал воздухом начала 1918 года, он всецело отдавался этой стихии, поэтому можно заключить, что, согласно замыслу поэмы, Катька была сметена «великим водоворотом» революции. Это допустимо размахом великих событий, в которых теряется «маленький человек». Катька убита без особой цели, она просто случайно попала в это колесо, и ее смерть, в конце концов, не имеет значения. Но в том-то и состоит величие Блока-поэта, что, несмотря на свое увлечение «музыкой революции» начала 1918 года, он сумел показать абсурд всего происходящего — независимо, может быть, от своего желания; ведь для читателя всегда важнее то, что поэт сказал, чем то, что он хотел сказать. Катька убита именно для того, чтобы показать этот абсурд. Не будь убийства Катьки (или даже если бы Петруха убил бы «классового врага» буржуя, белогвардейца, «товарища попа»), абсурда бы не было, была бы лишь музыка революции, не превратившаяся в реквием гуманизму. Но, помня о трагедии «маленького человека», о которой писали Пушкин, Гоголь и Достоевский, революцию нельзя оправдать. Блок не сказал это прямо, потому что слушал и слышал лишь музыку. Тем не менее в поэме воплотилось двойное видение поэтом революции. «Страшная правда того, что носит название большевизма», состоит в том, что путь к светлому будущему проложен по крови людей, по крови таких, как Катька. Блок, несмотря на свое увлечение революцией, сумел это четко показать. Наверное, еще и потому, что, приветствуя сокрушение старого мира, он сам оставался его частью. В статье «Записка о “Двенадцати”» (1920) Блок писал так: «В январе 1918 года я последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было написано в согласии со стихией...» В этой статье Блок говорит о том, что, может быть, политика «не убьет смысла поэмы». Очевидно, освободившись от революционных иллюзий, под «смыслом поэмы» он подразумевал изображение оппозиции грязных средств и высоких целей, и вследствие этой оппозиции, невозможность осуществления целей.

Итак, Катька убита без всякой цели — просто так, случайно оказавшись на пути человека, имеющего власть. Однако в художественном мире поэмы «Двенадцать» этим убийством Блок показывает не только оппозицию целей и средств революции, но и ее абсурд. Этот абсурд состоит в том, что под колесом революции легко может оказаться безвинный. Сам Блок в начале 1918 года, иллюзорно воспринимая мир, готов был оправдать убийство Катьки образом Иисуса Христа. Поэтому, согласно замыслу поэта, Катька была убита лишь для того, чтобы показать, что в большом, великом деле могут быть незначительные издержки — такие, как смерть проститутки. Однако художественная интуиция часто оказывается сильнее политического прогноза или социально-философских теоретических построений. «Апостол революции», убивающий невинную женщину, окрашивает кровью образ Христа в конце поэмы. Смерть Катьки низводит с пьедестала символ нового мира и предсказывает новые жертвы в «новом обществе» террора и тоталитаризма.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Собр. соч. в шести томах. — тт. 2, 4. — Л.: Худ. лит., 1960, 1982.
2. Блок А. Записка о «Двенадцати». // ЛГ. — 1990. — 28.11. — с.7.